



СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

**Другие
Тоннель времени**



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.
3-43 Другие. Тоннель времени / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-699-96105-4

Несколько лет назад капитан Александр Стольников обнаружил в горах Чечни тоннель, обладающий уникальными паранормальными свойствами. Через него можно было проникнуть в другой, параллельный мир, в котором кавказская война все еще продолжается, причем по совершенно иному сценарию. И вот бывший начальник Стольникова генерал Зубов назначает капитану тайную встречу и просит его снова проникнуть через тоннель в Другую Чечню, где мятежники удерживают в тюрьме «Мираж» его дочь. Стольников собирает своих бывших бойцов, и группа вновь проникает туда, где объяснить войну и поведение врагов законами логики просто невозможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96105-4

© Денисов В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Шасси гулко ударились о бетон и некоторое время стучали по взлетной полосе Анталии. Они словно собирались сорваться с креплений. Самолет заметно потерял скорость. И когда стало ясно, что ничего страшного уже не случится, в салонах «Боинга» раздались аплодисменты.

Стольников, услышав их, с едва заметной улыбкой посмотрел в окно. Ничего интересного. Минуту назад «Боинг» делал вираж над побережьем Средиземного моря, и этот переход с бирюзовой глади на сушу казался мистическим — словно соединилась вновь цепочка, соединяющая его с прошлой жизнью. Вот это было интересно.

Первое время, начав летать гражданскими авиарейсами в начале двухтысячных, эти аплодисменты казались ему выставленной напоказ глупостью, и он чувствовал неловкость, словно сам в этом участвовал. Потом привык. Аплодировали в основном русские. По той причине, видимо, что самолеты без видимой причины

падают только в России. Минуту назад было море, а сейчас — пальмы, пальмы и строй самолетов, прилетевших из Германии, Голландии, Польши... Август в Турции манит дешевыми отелями, бесплатным спиртным по программе «все включено» и относительно удобным проживанием в номерах.

За последние одиннадцать лет Саша жил, по крайней мере, в двенадцати таких. Первое время скрываться приходилось в Украине. Когда же команда Ющенко стала внимательнее присматриваться к русским, а случилось это сразу после того легендарного отравления, когда президент в буквальном смысле потерял лицо, наевшись каких-то блюд с тяжелыми металлами, Киев пришлось оставить. Прошлое Стольниковова, как и прошлое любого человека, тянулось за ним, обременяло и давило. Нельзя избавиться от прошлого за один день, поменяв паспорт. В прошлой жизни ты оставляешь память о себе, и достаточно легкого посылы, даже запаха любимого одеколона, чтобы однажды на Крещатике прозвучало: «Стольников, это вы?» Сердце Саши сжалось, и он продолжал движение. Но окликнувший был человеком упрямым. Он догнал капитана и схватил его за руку. «Стольников!» Перед Сашей был один из офицеров штаба бригады в Грозном. Как оказался он здесь, одному богу известно. Вероятно, послужил, наелся боевыми дежурствами и вспомнил об украинских корнях.

— Вы ошиблись, — ответил ему Саша.

— Разве? — пробормотал человек и выпустил руку капитана.

В тот же день Саша улетел из Киева и оказался в Турции впервые в жизни. Случилось это восемь лет назад, в мае две тысячи четвертого. Потом было еще несколько подобных встреч, и, что удивительно, происходило это всякий раз за пределами России. Это уверило Стольников в том, что спрятаться на планете Земля невозможно. Можно лишь оттянуть момент встречи. Зато есть шанс остаться в живых, и он тем выше, чем ты осторожнее.

Оказавшись в самом начале двухтысячных в центре скандала с разработкой керия, Стольников еще не понимал, что отныне его жизнь разделилась надвое: до этого полета на «вертушке» под Ведено, к лабиринту, ведущему в Другую Чечню, и — жизнь после спасения.

Деньги были. Выведя группу из лабиринта, он разделил поровну миллионы Алхоева. Каждому досталось около пяти, и это было хрупкой, но все-таки гарантией спасения. Одиннадцать лет прошло с того момента, когда он, поставив ногу на баул с добычей и глядя в глаза бойцов своего разведвзвода, говорил, почти теряя сознание от усталости:

— Здесь то, что позволит вам оторваться от привычной жизни и исчезнуть для знакомых навсегда. Вы должны сменить фамилии и не появляться на адресах, на которых бывали ра-

нее. Приказать потеряться для родных я вам не могу, но помните: никто из вас сейчас не имеет права заговорить о своих планах. Никто из вас не должен знать, куда уедет и чем займется каждый из нас. Сообщение о своих намерениях в этом лабиринте является смертным приговором тому, кто это сделал. До конца ваших дней вас будут преследовать спецслужбы страны. — Помолчав, Стольников добавил: — По выходе из тоннеля, если нам посчастливится, конечно, выйти, мы разойдемся в разные стороны, чтобы никогда уже больше не встретиться. Единственное, о чем я вас прошу...

— Что? — взволнованный словами командира, машинально бросил Мамаев.

— Каждый четверг вы должны покупать газету «Доска объявлений». Если среди объявлений юридических услуг вы увидите объявление: «ООО «Стольников» требуется юрист, зарплата невысокая», знайте, что мне нужна ваша помощь. После этого вам останется только купить билет до Москвы и подняться на второй этаж ЦУМа. После появления объявления я буду ждать вас в течение трех дней с одиннадцати до двенадцати часов. Это все.

Они выходили из тоннеля, оборвавшего их привычную жизнь, молча. Вместе добрались до Владикавказа — ближайшего гражданского аэропорта и оттуда военными вертолетами, наспех обнявшись, улетали — кто в Нальчик, кто в Моздок. Никто не выбирал маршрут.

Неважно, кто и куда улетит из Чечни. Главное — из Чечни. Совали деньги пилотам, и вот поднималась в небо «вертушка» с Айдаровым... следом — с Ключниковым... потом — с Масловым... Владикавказ — не Ханкала, контроль ослаблен, и Стольников не ошибся, поставив на этот маршрут.

Они не успевали даже обняться. Так и уходили в небо по очереди, кусая губы. Никто не знал, что будет дальше. Никто даже не верил, что дальше — будет.

С того дня Саша не видел ни одного из них. Но почти каждую ночь, пытаясь уснуть в очередном на его пути отеле, вспоминал. Ночь наступала, а сон не приходил. И Стольников, чувствуя, что сходит с ума, разговаривал с Пловцовым, Айдаровым, Ключниковым, Крикуновым, Жулиным... Где они? Саша не знал. Часто ему хотелось забыть о собственном же приказе и ринуться на поиски. Дважды он почти терял контроль над собой и был готов совершить эту ошибку. Но после, откладывая поездку умышленно на следующий день, он мысленно благодарил себя за выдержку. На кону стояла не только его жизнь, смысла в которой он с каждым новым годом видел все меньше и меньше. Встреча, случись таковая, могла стать роковой для близких ему людей. Собственно, и искать не было нужды. Просто подать объявление в газету и явиться в столичный ЦУМ.

Но прошло одиннадцать лет. И с каждым уходящим годом Стольников понимал — не все придут. Если вообще придет кто-то. Так он и жил — от желания увидеть людей, дороже которых не было в его жизни, и до невозможности сделать шаг навстречу, чтобы их не погубить.

Сразу после расставания с бойцами капитан потерял связь и с Зубовым, командиром оперативной бригады. Но три дня назад в Инсбруке, где Стольников купил себе квартиру, появился человек. Интерес к себе Стольников почувствовал сразу. Уже почти забыв, что такое находиться вне поля зрения опасных ему людей, Саша почувствовал, как заполняется тревогой. Встретить одного и того же человека в Инсбруке трижды в течение трех дней — явление нередкое. Но уже при второй встрече любой австриец при этом начинает улыбаться и здороваться. Этот же, черноволосый, лет тридцати пяти на вид, с пронзительно-голубыми глазами и высоким, как у Шамиля Тарпищева, лбом, отводил взгляд и проходил мимо. Так поступают только русские.

Стольников не ошибся. Жить в постоянной тревоге нельзя. Поразмыслив, что сделать: быстро исчезнуть из Инсбрука или начать действовать первым, пока враг этого не ожидает, Стольников привычно выбрал второе. В очередной раз столкнувшись в парке с голубоглазым, он быстро пересек газон и сел рядом на скамейку.

— Ты заметил, что правая моя рука в кармане? — тихо произнес Саша. В пруду кувыркались, словно поплавки при сильной поклевке, утки.

— Заметил, — спокойно ответил голубоглазый.

— Как ты думаешь, что в руке?

— Ничего, — сказав это, голубоглазый оторвал от булки, которую держал в руке, кусок и швырнул уткам. Утки перестали кувыркаться и ринулись к пище как пираньи.

— Ты не турист.

— Я знаю.

— Тогда какого черта тебе от меня нужно? — спросил Саша.

— Мне — ничего, капитан Стольников, — не меняя тона, ответил незнакомец. — Вас ищет Зубов.

Подстава или правду говорит? Говорить, что он не знает Зубова, глупо. Спрашивать, кто такой Зубов, — то же самое. Люди, которые безошибочно находят тебя в Инсбруке, ждут от тебя благоразумия и логики. Выглядеть дураком Стольников не хотел, а потому придвинулся поближе:

— Чтобы сообщить мне это, нужно было ждать три дня? А если бы я сам не подошел, на какой срок вы бы оттянули эту новость?

Голубоглазый подкинул корма уткам.

— Вы утратили чувство собственной опасности, Стольников, — заметил он. — Если я не

подхожу к вам, значит, на то есть причины. И сейчас вы поставили меня в затруднительное положение. До сих пор люди, которые следят за мной, не знали, кого я ищу. А теперь вы им облегчили решение этой задачи.

У Стольниково хватило ума не обернуться. Ощущение беды, почти оставившее его несколько лет назад, вернулось.

— Почему бы вам всем не оставить меня в покое? — выдавил он. — Дайте дожить спокойно. Я отработал на правительство за десятерых.

— Успокойтесь. Вас никто ни в чем не обвиняет.

— А есть в чем?

— Нет. Давайте не будем тратить время на бессмысленный разговор. Ваша жизнь в опасности.

— Зубов меня искал, чтобы передать это?

— Да, но вы только что спалили и себя, и меня, — говоривший был спокоен и невозмутим. — Но что сделано, то сделано. Неразрешимых задач не бывает. Вы только что доказали это. Сейчас мы расстанемся. На квартиру больше не возвращайтесь. Уйдите от наблюдения, арендуйте машину и немедленно пересекуте границу с Чехией. В Праге сядьте на поезд и доберитесь до Братиславы. Оттуда — самолетом в Анталию. Здесь, — он уложил на скамью рядом с собой тонкий конверт, — адреса в этих странах, где вы можете остановиться без опаски. Но это не значит, что за вами не будут сле-

дить. Отель «Астерия элит» в Сиде. Там вас найдет Зубов.

— Зачем он меня найдет? Кажется, мы попрощались навсегда?

— С людьми вроде вас навсегда не прощаются.

Стольников подумал. Зубову он обязан жизнью. Это он, генерал-майор Зубов, спас капитана и его людей от спецслужб, позволил уйти, рискуя собственным будущим.

— Кто он сейчас?

— Все узнаете в свое время. А сейчас мы должны разойтись. С этого момента ваша жизнь в еще большей опасности, чем была...

— Спасибо, успокоили.

— Вы сами виноваты в этом.

— Что это значит? — удивился Стольников. — Я о просьбе Зубова встретиться.

— По всей видимости, вы лучший из тех, кто умеет делать свою работу.

— С некоторых пор я безработный, — размышляя, как исчезнуть из парка после того, как они поднимутся, напомнил Саша.

— С сегодняшнего дня у вас есть работа.

Все это могло быть провокацией. ФСБ разыскало его и теперь заманивает в ловушку. Не пройдет и часа, как его погрузят в микроавтобус, отвезут в консульство, там введут какой-нибудь препарат, погрузят в ящик и в виде дипломатической почты вывезут в Россию. И там речь снова пойдет о керии, по всей видимости.

Правительству необходимо быть уверенным в том, что часть керия, вынырнувшая из Другой Чечни, да так и не оказавшаяся в руках правительства, не передана Стольниковым кому-то еще. Это значит, что при любом решении этой задачи федералами Сашу ждет смерть.

— Черт побери, — пробормотал он.

— Не забудете? — уточнил голубоглазый. — «Астерия элит».

— У меня хорошая память, — заверил Саша и, смахнув со скамьи конверт, поднялся.

Через час он гнал арендованную в «Аламо» «Тойоту Приус» к границе с Чехией. В Праге, на улице Каролине Светлы, он вынул из-за откоса двери ключ и отпер дверь. Нужно было отдохнуть. Два часа он колесил по Праге, проверяясь, но ничего подозрительного не обнаружил. Слежка, если и была, поставлена мастерски. И если он ее не обнаружил, тогда и суетиться не нужно. Будь что будет. Не разуваясь, он лег на кровать, как был, в одежде, и включил телевизор. Чешского Саша не знал, но хорошо понимал, что происходит на экране: новости сообщали, что в Австрии обнаружен труп человека с паспортом гражданина Швейцарии на имя Майкла Говарда. Между тем власти Швейцарии в Майкле Говарде земляка не узнают. Смерть носит криминальный характер, поскольку в теле швейцарского гражданина обнаружены два пулевых ранения. Саша без труда узнал в покойнике голубоглазого.

Он все-таки заставил себя заснуть. Машину можно было бросить, но тогда «Аламо» могло объявить розыск. Не хватало, чтобы еще и полиция Австрии и Чехии начала за ним охоту. Через час, приняв душ и наспех перекусив в кафе, Саша нашел в справочнике адрес «Аламо» в Праге и отогнал «Приус» на парковку. Сдал ключи оператору и направился в аэропорт на такси...

Полет прошел почти спокойно. Очередной визит в Анталию, несмотря на новые обстоятельства, снова обещал солнце, запах Ак-Дениз, как называют турки Средиземное море, горячий ветер и пение муэдзинов с минаретов.

Вновь продолжался отпуск за собственный счет, и Стольников стал вспоминать его характерные приметы. Динамика загара особенно хорошо заметна, когда в руках рулон туалетной бумаги. От этого прогрессирующего контраста посещения санузла как маленькие радости приобретают новые оттенки. В зеркале во всю стену тебе расслабленно улыбается мулат с разрезом глаз кержака. И все настолько хорошо и приятно, что начинаешь подозревать о наличии за этим зеркалом хохочущих турков с ресепшен.

Стольников не любил летать на гражданских самолетах. Заснуть не получается: стоило ему подняться выше облаков, он становился впечатлительным, как такса. За иллюминатором — взбитое со сметаной облаков что-то